

Ойкономинации как компоненты французского поэтического дискурса

¹ Владимир Григорьевич Борботько

² Надежда Витальевна Кушко

¹⁻² Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000 г. Сочи, ул. Советская, 26 а

¹ Доктор филологических наук, профессор

E-mail: swolh@yandex.ru

² Аспирант

E-mail: NadiaKouchko@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается лексика предметно-бытовой концептосферы (ойкосферы) как материал для построения поэтического текста; анализируются примеры из французской поэзии, в которых наблюдается концентрация ойкономинаций, обладающая высоким смыслообразующим потенциалом и создающая в совокупности оригинальный поэтический идиоконцепт.

Ключевые слова: ойкосфера, концепт, ойкономинация, поэтический дискурс, игровая интерпретация, идиоконцепт.

Введение. Бытовые понятия, относящиеся к непосредственному окружению человека, образуют внутри общей концептосферы национального языка [1], отдельную бытовую концептосферу. Бытовая концептосфера включает в себя предметы непосредственного жизнеобеспечения человека, относящиеся главным образом к жилищу, с которым, в свою очередь, тесно связаны предметы одежды и питания, а также действия, выполняемые с ними. Поэтому терминологически бытовая концептосфера может быть также представлена как **ойкосфера** (от греческого слова oikos – дом, жилище). В каждом из кластеров ойкосферы (жилище, одежда, питание) есть специфический набор реалий, отмеченных в языке соответствующими ойкономинациями. Предполагается, что лексика бытовой концептосферы, если ее использовать за пределами бытовой коммуникации, способна выполнять текстообразующие функции, отличные от функций чистого информирования.

Материалы и методы. Основным материалом исследования послужили тексты французской поэзии, содержащие в качестве своих компонентов ойкономинации, исконно принадлежащие бытовой концептосфере. При описании языковых выражений как носителей концептов использовались сопоставительный анализ, концепторный анализ, суть которого заключается в опоре на языковые формы, которыми представлены те или иные концепты [2], и контекстный анализ, выявляющий смыслообразующий потенциал ойкономинаций в поэтическом дискурсе. В данной статье анализ поэтического текста проводится на материале стихотворений Жака Превера.

Обсуждение. Лексика бытовой концептосферы предназначена для общения в быту, в домашней обстановке и не характерна для поэтического дискурса. Важно заметить, что типичным для традиционной поэзии является использование лексики природной и чувственной концептосфер (солнце, лес, облака, дождь, птицы, цветы, любовь, жизнь, смерть), к которой у французских поэтов XX в. присоединяется лексика, отражающая урбанизацию жизни. Случаи использования предметно-бытовой лексики в качестве основного материала для построения поэтического произведения довольно редки. Так, в поэтическом сборнике Ремона Кено "L'instant fatal" («Фатальное мгновение») [3] только пять из ста тридцати произведений содержат вкрапления предметно-бытовой лексики, а в четырех сборниках Жака Превера, насчитывающих более трехсот произведений, было обнаружено порядка сорока стихотворений, содержащих заметные вкрапления ойкономинаций, и лишь около десятка таких, в которых они действительно аккумулированы как основной строительный материал дискурса, что наблюдается в следующем стихотворении Ж.Превера [4], которое мы приводим в несколько сокращенном виде. В его зачине речь идет о работе сельскохозяйственной машины:

LA BATTEUSE

La *batteuse* est arrivée
la *batteuse* est repartie
Ils ont battu le *tambour*
ils ont battu les *tapis*
ils ont fouetté la *crème* et ils l'ont

renversée

ils ont fouetté un peu leurs enfants aussi
ils ont fendu le *bois*
ils ont cassé les *œufs*
ils ont découpé la *dinde*
ils ont tordu le cou aux *poulets*
ils ont écorché les *lapins*
ils ont éventré les *barriques*
ils ont basculé la *table*
ils ont arraché la *nappe*
ils ont brisé la *carafe* d'eau frappée
ils ont renversé la *crème* renversée
ils ont battu la *campagne*

.....
ils ont dansé autour des *granges* où le
blé était enfermé

Où le *blé* était enfermé moulu fourbu
vaincu battu.

Jacques Prévert

МОЛОТИЛКА

Молотилка прикатила
Отмолотила укатила
Поколотили *барабан*
Помолотили *ковры*
Взбили *сливки* и слили

И детей заодно слегка вздули
Накололи *дров*
Набили *яиц*
Разделали *индейку*
Посворачивали головы *цыплятам*
Пообдирали *кроликов*
Повышибали дно *бочонкам*
Поопрокидывали *столы*
Посдергивали *скатерти*
Стукнули разбили *графин* с водой
Перевернули слитые *сливки*
Забили отбой

.....
Обтанцевали *гумно* где зерно
заключено
Где заключено молоченное
изнемогшее побежденное поколоченное
зерно.

(Перевод наш – В.Б., Н.К.)

Молотилка прикатила и укатила, но молочение не закончилось с ее отъездом, а лишь стало набирать обороты, принимая другие направления. Люди принялись молотить и в прямом и в переносном смысле все то, что они собрались потреблять, закатив грандиозный пир после обмолота зерна. Действия людей с разнообразными бытовыми реалиями (*tambour, tapis, crème, bois, œufs, dinde, poulets, lapins, barriques, table, nappe, carafe, granges, blé*) представлены длинным рядом глагольных сочетаний, где большинство глаголов имеют разрушительный смысл: *battre* (молотить), *fouetter* (взбивать, хлестать), *fendre* (раскалывать), *casser* (разламывать), *découper* (разделять), *tordre* (выкручивать), *écorcher* (обдирать), *éventrer* (потрошить), *basculer* (опрокидывать), *arracher* (сдергивать), *briser* (разбивать), *renverser* (опрокидывать), *battre* ('молотить'). Можно даже сказать, что для всех глаголов данного текста контекстуальным гиперонимом стал глагол ***battre*** (бить, молотить) которым начинается и заканчивается произведение.

Как это отмечено у Т.В. Балашовой, многие произведения Превера построены с широким использованием анафоры. «Строка за строкой начинается одним словом (или двумя-тремя одинаковыми словами), меняется лишь финал строки» [5, с. 314]. Это единоначалие фраз, анафора, по мнению исследователей, усиливает динамику поэтической картины, оттеняет ее своеобразную кинематографичность [6]. И действительно, в этом стихотворении анафорическое построение выделяет, обособляет каждое высказывание от остальных, придает каждому действию некий гиперболизм и одновременно гротескно концентрирует, стягивает в исходную точку все гиперболически представленные ойкареалии; в итоге получается не беспорядочное нагромождение реалий и не дескрипция, свойственная прозаическому повествованию, а нечто напоминающее поэтическую криптограмму, в которой зашифрован пульсирующий образ.

La batteuse у Жака Превера – это уже не сельскохозяйственная машина в буквальном смысле. Концепт этого слова испытал поэтическую метаморфозу. В этой связи следует вспомнить явление, которое Л.С. Выготский называл «влиянием смысла» в слово, когда слово, проходя сквозь какое-либо художественное произведение, вбирает в себя все многообразие заключенных в нем смысловых единиц и становится как бы эквивалентным всему произведению в целом [7, с. 349-350]. Слово ***batteuse*** у Превера – носитель

авторского образа-концепта, оно свертывает в себе поэтический образ, представленный всем дискурсом и в итоге приобретает статус **идиоконцепта** – лингвокультурной авторской уникалии.

Приемы построения смысла в стихотворениях Превера имеют исторический прецедент в текстах крупнейшего писателя французского Возрождения Франсуа Рабле. Его произведения впитали значительные пласты народной смеховой культуры, обуславливающие, как об этом пишет Н.В.Хорошева, «типичный набор смеховых архетипов в разговорной речи, который образует наиболее универсальные семантические поля внутри бытовой семантической сферы» [8, с. 23].

М.М. Бахтин выделял в произведениях Ф.Рабле коллективно-трудовой компонент, тесно связанный с коллективным потреблением [9, с. 139]. И трудовой компонент, и потребление обильно представлены у Рабле множеством случаев дискурсивных перечислений предметно-бытовых реалий – еды, питья, всевозможной утвари, например:

...Les uns portaient les broches de fer, les autres tenaient des *landiers, contrehâtiers, poêles, chaudrons, grils, foyers, tenailles, lèchefrites, balais, marmites, mortiers, pilons*, tous en ordre comme des brûleurs de maisons, criant tous ensemble épouvantablement: Nabuzardan! Nabuzardan! (Rabelais. Pantagruel: Livre IV, Ch. XLI). [10]

Приведем этот фрагмент на русском языке в классическом переводе Н.Любимова, в котором концепторное представление авторских реалий, несколько расходится с оригиналом, например, *lèchefrites*, приблизительно означающее ‘противни’, передается перифразой *подвертальная посуда для стекания мясного сока*, и т. п., кроме того, *brûleurs de maisons* – ‘поджигатели домов’ переведено как «пожарные».

Одни вооружены были *вертелами*, другие – *жаровнями, каминными решетками, сковородами, лопатками, противнями, рашперами, кочергами, щипцами, подвертальной посудой для стекания мясного сока, метлами, котлами, ступками, пестиками*, и все это воинство, блюдя тот строй, какой обыкновенно держат пожарные, неистово завопило и закричало в один голос: Навузардан! Навузардан! Навузардан! [11].

Гипертрофированность перечисления, комическая детализация реалий придают описанию карнавально-смеховой характер [12], как у Франсуа Рабле, так и у Жака Превера.

Следующий текст, также содержащий ойкономинию (*cène, table, manger, assiette*), представляет собой любопытный пример игровой интерпретации евангелического сюжета в краткой поэтической зарисовке Жака Превера [4], очевидно навеянной картиной «Тайная вечеря», на которой головы персонажей увенчаны нимбами:

(2) La Cène

Ils sont à **table**

Ils ne **mangent** pas

Ils ne sont pas dans leur **assiette**

Et leur **assiette** se tient toute droite

Verticalement derrière leur tête.

Букв. перевод: ‘Тайная вечеря / Они за столом / Они не едят / Они не в своей тарелке / А тарелка держится / Вертикально позади головы’.

Здесь обыгрывается фразеологизм *Ils ne sont pas dans leur assiette*, означающий ‘им не по себе’, после чего слово *assiette* ‘тарелка’ употребляется в предметно-бытовом ключе, материализуя таким образом божественный нимб над головами святых персонажей. В результате происходит трансформация мифосимвола в ойкосимвол и приземление сакрального смысла. В силу оригинальной авторской интерпретации ойкономиния, вынесенная в заголовок – **La Cène**, приобретает, как и в предыдущем примере, характер идиоконцепта. Таким образом, во французской поэзии, наряду с тенденцией духовного возвышения человека, продолжает жить и противоположная, смеховая тенденция, иронизирующая над человеком и над его традиционными ценностями.

Заключение. Если в нарративном дискурсе ойкономиния служат для воссоздания обстановки, в которой развивается сюжет, то в поэзии использование бытовой лексики связано с приемами построения поэтического образа. В современной французской поэзии, наряду с тенденцией духовного возвышения человека, продолжает жить и противоположная, смеховая тенденция, иронизирующая над человеком и над его традиционными ценностями. Многие поэтические произведения, насыщенные ойкотерминами отнюдь не представляют собой тривиальные бытописания, но выполнены в

игровом ключе. Поэтический дискурс носит черты криптограммы, в которой зашифровано поэтическое мировидение автора и которую читатель призван воспринять и в той или иной степени разгадать. Предметно-бытовые номинации в поэтическом дискурсе участвуют в моделировании авторского идиоконцепта, представленного целым текстом, содержание которого способно свертываться в семантике заголовка.

Примечания:

1. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Серия лит. и яз. 1993. Т. 52, №1. С. 3-9.
2. Борботько В.Г. Формы концептуализации идей как ценностей культуры в языковом сознании // Жизнь языка в культуре и социуме. Материалы междунар. науч. конф. М.: Эйдос, 2012. С. 5-7.
3. Queneau R. L'Instant fatal. Paris: Gallimard, 1979. 223 p.
4. Prévert J. Paroles. Paris: Gallimard, 1962. 244 p.
5. Балашова Т.В. Французская поэзия XX века. М.: Наука, 1982. 392 с.
6. Марунина Е.Ю. Переосмысление сюрреалистической эстетики в творчестве Жака Превера. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 24 с.
7. Выготский Л.С. Мышление и речь // Л.С. Выготский. Собр. соч. в 6-ти т. Т. 2 Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1982. С. 5-361.
8. Хорошева Н.В. Смеховые архетипы французского и русского субстандарта // Вестник Томского госуниверситета, вып. 334, 2010. С. 22-27.
9. Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
10. Rabelais F. Gargantua et Pantagruel. Paris : Ed. Nilsson, 1923. 646 p.
11. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. с французского Н. Любимова. М.: Правда, 1981. 560 с.
12. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.

UDC 81

Oikonominations as Components of French Poetic Discourse

¹Vladimir G. Borbotko

²Nadezhda V. Kushko

¹⁻² Sochi state university, Russian Federation
26 a Sovetskaya Str., Sochi 354000

¹ Doctor (philology), professor

² Post-graduate student

Abstract. The article considers the vocabulary of oikosphere as components of French poetic discourse; the author analyzes French poetry cumulating oikonominations having a high semantic potential and forming an original poetic idioconcept.

Keywords: oikosphere, concept, oikonomination, poetic discourse, ludic interpretation, idioconcept.